
МИР В НАЧАЛЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

**ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ МИР:
МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ХАОС?***

© 2016 г. А. Лукин

В статье рассматриваются изменения в международных отношениях, произошедшие после распада биполярной системы, а также будущее постбиполярного мира. Особое внимание уделяется незападным центрам силы (России, Китаю, Индии, Бразилии и др.), рост влияния которых все больше ставит под сомнение универсальность западных ценностей и создает новую международную реальность. Оптимальным для России представляется развитие евразийского вектора внешней политики, в том числе в формате участия ЕАЭС в региональных и международных процессах в качестве “посла” Азии в Европе и Европы в Азии.

Ключевые слова: биполярная система международных отношений, постбиполярный мир, Запад, незападные центры силы, региональные державы, западные и восточные модели развития.

Статья поступила в редакцию 31.07.2015.

На рубеже XX и XXI веков мир вступил в новый период своего развития. Привычная биполярная система, господствовавшая после Второй мировой войны, рухнула в результате саморазрушения одного из полюсов. Можно долго рассуждать о том, почему это произошло, но ясно одно: советский коммунистический проект не выдержал конкуренции и распался. По сути, идеология СССР сама загнала себя в угол. Будучи порождением западной секулярно-просвещенческой традиции, от последней она унаследовала идею технического прогресса и удовлетворения материальных потребностей населения. Но советская концепция утверждала, что более быстрый прогресс достижим не за счет роста самоуправления, уважения личных прав и частной собственности, а посредством концентрации ресурсов государством, обобществления собственности и справедливого распределения. Данный проект оказался крайне неэффективен экономически. Кроме того, Советский Союз проводил политику, основанную на идеологической цели – добиться распространения собственной системы на максимальное количество государств, а в перспективе – на весь мир. Это привело к растрате значительных, но не

безграничных ресурсов, и усугубило экономические проблемы.

У биполярной системы глобального противостояния, впервые возникшей в истории человечества, были свои преимущества и недостатки. Контроль двух центров силы над значительными территориями и определение ими правил игры в мировой политике приводили время от времени к конфликтам на нейтральном пространстве. Практически любая вспышка локального характера в Третьем мире превращалась в противостояние двух основных полюсов, так как оба центра начинали поддерживать противостоящие друг другу лагеря. Кроме того, население государств и территорий, находящихся под советским контролем, жило в условиях крайней несвободы и социальной ненормальности тоталитаризма.

В то же время все эти конфликты не шли ни в какое сравнение с ужасами мировых войн. Международные правила, писанные и неписанные, все же существовали, и СССР, и Запад демонстрировали способность о них договариваться (наиболее яркий пример – Хельсинкские договоренности, соглашения о нераспространении ядерного оружия, о сокращении и запрете оружия массового уничтожения).

ЗАПАД

После краха советского центра силы, вызванного не войной, но давлением и внутренними проблемами, наступил период триумфа Запада. Последний, однако, переоценил свои возможности. Погнавшись за всем миром сразу, его лидеры

ЛУКИН Александр Владимирович, доктор исторических наук, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20; директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (avlukin@hse.ru).

* Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2016 г.

потеряли многое из того, чего они могли бы добиться.

Сложившаяся в начале 90-х годов XX в. обстановка действительно характеризовалась значительным, если не решающим влиянием США и их союзников на мировую ситуацию. Победа в противостоянии с советским лагерем увеличила популярность присущей им политической и экономической модели. Одни части бывшей сферы контроля СССР стремились присоединиться к западному миру, в других ее частях, в том числе в самой России, к власти пришли силы, искренне симпатизирующие Западу. Военная мощь США и их союзников также не имела себе равных.

В то же время распад советского лагеря не отменил другие коренные тенденции мирового развития. Продолжили свой рост и укрепление незападные центры силы: Китай, Индия, Бразилия и т.п. Они стремились самостоятельно решать собственные проблемы и защищать национальные интересы, по крайней мере, вблизи своих границ. Конфронтация с Западом не являлась их целью, так как они были заинтересованы в сотрудничестве, да и не имели сил для открытого противостояния. Вместе с тем в разной степени и по разным причинам представители этого лагеря не разделяли многие установки Запада, а на некоторые из них смотрели с большой опаской.

На пространстве бывшей советской империи настроения также различались. Если большая часть государств Восточной Европы (за исключением Сербии, в советскую сферу влияния не входившей) согласилась безоговорочно включиться в западную систему в качестве младших партнеров, то новые российские власти надеялись на равноправное сотрудничество в рамках общего понимания целей мирового развития. Центральноазиатские республики опасались западного демократизаторского порыва. Некоторые из них тяготели к России, другие старались балансировать между Россией и Западом, третьи выбрали автаркию.

В этих условиях США и их союзники могли дать старт реалистичному курсу, стараясь, где это возможно, максимально сохранить собственное влияние, и одновременно улучшая отношения с крупными мировыми игроками. Россию, например, тогда было вполне реально в значительной степени интегрировать в западную систему, либо приняв ее в НАТО, как многократно предлагал, в том числе, госсекретарь в администрации Джорджа Буша ст. Джеймс Бэйкер [1], либо, даже не делая этого, путем гибкой политики сочетания реальной помощи (нового плана Маршалла) и

уважительного отношения к интересам и опасениям Москвы. Так можно было добиться ее близкого партнерства без формального союза по типу, например, Мексики или Египта при Анваре Садате и Хосни Мубараке.

Этот путь представлялся вполне реализуемым, но требовал некоторых уступок и компромиссов относительно идеологических целей, стремление к достижению которых начинало захватывать западную политику. Уже в течение долгого времени в интеллектуальном пространстве США и Европы укрепляла свои позиции идеология “демократизма” – своеобразное и одностороннее соединение политического либерализма, концепции “фундаментальных прав человека”, просвещенческого секуляризма и колониалистских теорий превосходства. В результате, как часто бывало в истории, Запад попытался силой навязать всему миру собственную модель, выдавая ее за универсальную.

На протяжении ряда столетий объект навязывания менялся: истинная христианская вера времен “крестовых походов” сменилась высшей цивилизацией времен колониализма, ей в свою очередь пришли на смену причудливо понимаемые “демократия” и “права человека”. Неизменной оставалась суть силовой политики. Оксидентоцентризм Европы и США – довольно обычное явление. Варварами всех кроме себя считали многие крупные цивилизации, например, китайская или греческая. Но далеко не все пытались навязать собственные представления остальному миру силой. До развала биполярной системы таких тоталитарных идеологических¹ систем было две: советская коммунистическая и западная демократическая. Первая ушла в прошлое вместе с СССР, но получившая новый импульс после его распада идеология “демократизма” не только сохранилась, но стала приобретать все более явные тоталитарные черты.

Фундаментальные принципы внешней политики, основанной на “демократизме”, просты. Западные политики-идеологи, определяющие основное направление внешнеполитической мысли, считают, что лучший способ присоединить все “варварские” народы и страны к миру “свободы и демократии” – подчинить их своему влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, видящие в ориентации на Запад собственную выгоду,

¹ Термин “тоталитарный” здесь употребляется как определение не политического режима, а тотального, всеохватывающего характера внешнеполитической идеологии.

чему необходимо всячески способствовать. Если даже эти силы и не вполне отвечают “демократическим” стандартам – не страшно. Пусть сначала подчинятся экономически и политически, а затем “старшие наставники” их дотянут до нужного стандарта. Этот подход во многом соответствует другому тоталитарному, советскому идеологическому подходу к “слаборазвитым” государствам. Согласно советской теории, Монголия и некоторые страны Азии и Африки должны были перейти к “социализму” (передовое общество советского типа), минуя этап “капитализма”, под руководством прокоммунистических режимов, пришедших к власти благодаря “братской помощи” СССР и правильно понимавшим “истинную” волю своих народов, при массивном содействии Москвы.

После распада СССР Запад избрал путь, основанный не на реализме, а на этой идеологии. Его лидеры почувствовали себя победителями, которым не нужно считаться с интересами других: ведь мир и так скоро упадет к их ногам, поскольку все его народы мечтают слиться с западной цивилизацией на основе единственно верных всеобщих “универсальных” ценностей. Эта идея в наиболее примитивной форме была выражена Фрэнсисом Фукуямой [2]. Между тем в большей части мира не принимали значительную часть этих ценностей, считая их, и не без основания, идеологическим прикрытием навязывания Западом своей гегемонии. Кроме того, многие из них прямо противоречили традиционной культуре и господствующим укладам и верованиям других крупных цивилизаций.

Таким образом, “новые миссионеры” переоценили себя в двух смыслах: политическом и культурном. Мир оказался гораздо сложнее, а его ценности – куда более разнообразными, чем их представляли себе западные лидеры, опьяненные успехами, но ограниченные собственной идеологией. Привлекательность Запада и его объективные возможности снижались, чему способствовал рост экономического и политического влияния новых центров силы, а также демографические процессы. В западных столицах, особенно в Вашингтоне, продолжали вести себя так, как будто “история кончилась”: давлением, а часто силой, навязывая свое видение мира и даже внутреннего устройства стран и целых регионов, которые вовсе не желали вестернизироваться. Эта тактика привела к хаосу в Ираке, Египте и Сирии, и причиной тому стал разгром существующих политических систем и попытка навязать общественную

структуру и ценности, отторгавшиеся большинством населения.

Некоторые западные наблюдатели задним числом увидели эту тенденцию. Так, известный американский внешнеполитический аналитик Ричард Хаас пишет, что действия США усугубили всемирный беспорядок: “Порядок, установившийся после окончания холодной войны, был основан на безусловном превосходстве и гегемонии США, которые зависели не только от их реальной силы, но и от способности влиять или от желания других стран благосклонно принимать лидерство Вашингтона. Влияние ослабло после ряда серьезных ошибок и неудач, включая слабое регулирование экономики, которое спровоцировало финансовый кризис, чрезмерно агрессивную политику в области национальной безопасности, попиравшую нормы международного права, а также внутреннюю некомпетентность администрации и плохо функционирующую политическую систему”.

По мнению Р. Хааса, “порядок развалился в результате сплава трех тенденций. Сила в мире распределилась между большим количеством игроков. Снизилось уважение к американской экономической и политической модели. А выбор конкретной политики, особенно на Ближнем Востоке, породил сомнения в рассудительности Америки и в том, что угрозы и обещания Соединенных Штатов заслуживают доверия. Чистый итог заключается в том, что, хотя абсолютная сила и мощь США остаются значительными, их влияние уменьшилось” [3].

Если Р. Хаас пишет только о внешнеполитических просчетах, то Генри Киссинджер фактически указывает на рост идеологизированности американской политики как на одну из причин неудач, лишь используя другой термин. “Прославление универсальных принципов, – пишет он о внешней политике США, – должно быть соединено с признанием реальности истории, культуры и представлений о безопасности народов других регионов планеты”, так как история “не гарантирует успеха даже самым возвышенным убеждениям в отсутствие целостной геополитической стратегии” [4].

В Европе в последнее время также можно встретить запоздалую критику курса, основанного на идеологии “конца истории”. В одном из докладов Европейского совета по международным делам утверждается, что уклад жизни ЕС, принятый в этой части света за универсальную модель всеобщего будущего, для остального мира был исключением: «Новый европейский порядок отличался от всех предыдущих послевоенных сис-

тем... Перестройка Европы происходила в виде распространения западных институтов, большинство из которых создавалось еще как структуры биполярного мира. Моделью для объединения Европы стало объединение Германии... Европейцы хорошо осознавали особый характер своей системы, но были убеждены в ее универсальности. Европейские ценности, на которых основаны ВТО и Киотский протокол, а также Международный уголовный суд и “обязанность защищать”, казалось, обретали все большую силу. Европейцы были уверены, что экономическая взаимозависимость и общий стиль жизни станут доминирующим источником безопасности в мире будущего. Пребывая в эйфории от собственных инноваций, Евросоюз потерял связь с другими державами – и видел только то, в чем они не соответствуют европейским стандартам, вместо того чтобы попытаться понять другие системы представлений. Это касается и соседей ЕС, и таких великих держав, как Китай, и даже союзников в лице США. А претензия новой европейской идеи одновременно на исключительность и универсальность сделала невозможным для европейцев принятие альтернативных проектов интеграции на континенте» [5].

Конечно, между США и Евросоюзом существуют некоторые тактические разногласия. Соединенные Штаты, будучи отдаленной от Европы и самой мощной державой Запада, мало озабочены реальными последствиями своих действий. В области теории Вашингтон выступает за более чистое воплощение идеологических целей, не считаясь с (европейскими) издержками. Кроме того, курс на расширение военных операций по всему миру, раздувание различных угроз позволяет консолидировать доминирование США над Европой. В самой Европе есть чисто проамериканские силы, но находятся и те, кто хотел бы превратить ее в самостоятельный или хотя бы автономный центр влияния. Для этой цели конфронтация с другими центрами силы в мире не нужна и даже вредна. Кроме того, в странах ЕС растет влияние открыто антиамериканских и антиинтеграционных сил (как крайне правых, так и крайне левых).

Несмотря на эти тенденции, США и Европу, а также более отдаленные Австралию, Новую Зеландию и в меньшей степени Японию следует рассматривать как единый центр силы, объединенный прежде всего общей тоталитарной идеологией “демократизма”: стремлением навязать собственную модель всему миру. Споры здесь идут лишь о темпах и приемлемости тех или иных издержек. В обозримом будущем внешняя политика этого все еще остающегося самым мощ-

ным центра будет определяться противоречием между растущими идеологическими амбициями и снижающимся относительным потенциалом. Перед Западом стоят как внешние (рост влияния незападных центров силы), так и внутренние (меняющаяся демографическая и политическая ситуация) вызовы. При этом объективно его влияние в мире снижается.

Популярность западных модели и идеологии была основана в первую очередь на том, что (как считали в значительной части незападного мира, особенно после Второй мировой войны) данная политическая модель обеспечивает наивысший уровень благосостояния. Свобода, конечно, привлекательна для некоторой части населения небогатых и диктаторских государств, но не за счет материальных благ, а параллельно с ними. Большинство же всегда стремилось к западной модели именно как к гарантирующей более зажиточную жизнь.

Мощный рост китайской экономики в конце XX – начале XXI в., а также экономический и политический крах многих государств, которым США и ЕС пытались навязать собственную модель (Россия 90-х годов, Ирак, Ливия и др.), заставили многих усомниться в универсальной эффективности лозунгов “демократизации”, “рыночной экономики” и “свободной торговли”. В то же время западная политика диктата и перманентного бомбометания показала, что идеология “демократизма” в действительности часто служит прикрытием для установления политического господства. Это понимание значительно снизило “мягкую силу” Запада, и одновременно увеличило привлекательность других моделей, прежде всего, “пекинского консенсуса” как альтернативы “вашингтонскому”.

Кроме того, элита Запада не может, а вернее, не хочет понять, что распространение предлагаемой им модели достигло культурно-цивилизационных границ. Ее было легко распространять в Восточной Европе, где народы, страдавшие под советским господством, стремились в западные союзы по политическим и культурным мотивам. Там ее установление или в ряде случаев – восстановление давалось относительно легко (хотя и не везде). Но Северная Африка и пространства Евразии в большей степени чужды этой модели в культурном отношении. Ислам и православие, все более популярные на постсоветском пространстве, не только по политическим, но и нравственным причинам не принимают западного “демократизма” с его программой: усиливающимися стиранием общественных ролей женщин и мужчин, эвтана-

зией, суррогатным материнством, однополыми браками и т.п. Причем не принимают настолько резко, что готовы активно бороться против этого диктата греха. Конфликты в ряде постсоветских государств (Украина, Грузия, Молдова), где культурно-цивилизационная граница прошла внутри территории, разделив ее на части, также как и рост антизападных движений в исламском мире, во многом вызван этими причинами.

Подобное ранее случилось с советской идеологией, а вместе с ней и с “мягкой силой” Москвы после Второй мировой войны, а особенно в 70–80-е годы минувшего века. Коммунистические идеалы, пользовавшиеся искренней популярностью во всем мире, в том числе в Европе и США, особенно в период антифашистской борьбы и деколонизации, поблекли, когда выяснилось, что экономически в Третьем мире советская модель не работает, а ведет лишь к созданию коррупционных диктаторских режимов и застою. Кроме того, ввод советских войск в Венгрию в 1956 г., Чехословакию в 1968 г. и Афганистан в 1979 г. заставил усомниться в искренности Москвы относительно создания лучшего мира, породив новое отношение к советской идеологии как к прикраске геополитических интересов.

В действительности, и в СССР, и на современном Западе геополитические цели сложно отделить от идеологических. Все тоталитарные идеологи считают, что навязываемая ими высшая и наиболее прогрессивная модель гарантирует процветание и счастье, а осуществлять ее наиболее эффективно можно с использованием, как говорили в СССР, “братской помощи” “прогрессивных” государств, то есть под их политическим контролем. Поэтому цели установления такого контроля над максимальным количеством стран мира и забота об их счастье путем насаждения единственно верного пути развития в этой идеологической конструкции неразделимы.

Когда в Европе и США говорят о том, что случаи отделения Косово и Крыма нельзя сравнивать между собой, то этому не стоит удивляться. С точки зрения идеологии “демократизма”, такой подход, действительно, нельзя назвать “двойным стандартом”. Ведь Косово отделяется от Сербии – государства отсталого западного мира, и присоединяется к миру “свободы и прогресса”. Тогда как Крым западная Россия тянет в сферу “регресса и диктатуры”. Дискутировать с западными идеологами (как с советскими и любыми другими) с использованием формальной логики не имеет смысла.

В исторической перспективе Запад постепенно подвергнется определенным трансформациям. Какими будут США, если через 20–30 лет значительная часть населения будет испаноязычной? В Великобритании целые города становятся мусульманскими. Во Франции, по некоторым опросам, мусульман насчитывают уже около 10%. Во что превратится ее политика, когда их станет 30 или 40%? Вызовет ли рост миграции ответную реакцию правых традиционалистов? Их организации, типа базирующейся в Великобритании “Остановить исламизацию Европы”, набирают популярность во многих государствах ЕС. Конечно, можно отвечать на вызовы миграции закрытием границ и другими жесткими мерами, но это уже само по себе означает резкий отказ от многих постулатов “демократизма”, что не может не привести к существенным изменениям и во внешней политике.

В обозримом будущем, в ходе процесса адаптации “демократизма” к новым реалиям, вряд ли можно рассматривать Запад как оплот мира и стабильности. Напротив, его политика останется основным источником мировых конфликтов, которые будут особенно часто возникать на территориях, пограничных с другими, незападными центрами силами, придерживающимися иных ценностных установок.

РОССИЯ

2014 г. можно назвать поворотным для внешней политики России. В связи с украинскими событиями она окончательно отказалась от следования в фарватере Запада и вступила с ним в конфронтацию. Это фактически означало коренное изменение внешнеполитического курса Москвы, проводившегося с 1991 г. Хотя 1991–2014 гг. знали различные периоды как близкого сотрудничества, так и разногласий с Западом, Россия в конце концов всегда шла на стратегические уступки. Сегодня такие уступки маловероятны, возможны лишь тактические договоренности. Это вызвано окончательной потерей доверия РФ к США и Европе как к политическим и экономическим партнерам и пониманием, что дружественные отношения с ними без полного подчинения их правилам установить не удастся. В связи с этим Москва начала реальный, а не только словесный (как это было до украинского кризиса) поворот к западному миру.

Рассмотрим подробнее причины такого поворота. Постсоветский консенсус между Западом и Россией базировался на взаимном понимании

того, что обе стороны будут двигаться к более тесному сотрудничеству, учитывая интересы друг друга, и идти на взаимоприемлемые компромиссы. Однако выполняла эти условия на практике только Россия. Не отказавшись полностью от идеи национальных интересов, она показывала, что готова ими в какой-то степени жертвовать ради сотрудничества с “цивилизованным миром”, чтобы стать его частью. Сам же “цивилизованный мир”, несмотря на обилие ободряющих слов, мыслил категориями холодной войны, искренне считая себя победившей стороной. Забыв про все обещания (например, не расширять НАТО на Восток), Запад пытался осуществить все, что не мог сделать во время холодной войны из-за сопротивления СССР – включал в сферу своего влияния все больше стран и территорий, передвигал военные объекты все ближе к российской границе, в том числе и на территорию ее традиционных союзников. Своими действиями в 2014 г. Москва решительно отказалась принять такую политику.

Когда очередь дошла до ближайшего российского партнера – Украины, Москва “взорвалась”. Хотя Россия не смогла в силу недостаточности ресурсов и сложившейся экономической зависимости от Запада пойти на самые решительные меры, она делает и будет делать все возможное, чтобы остановить силовую экспансию в направлении собственных границ. Новая Россия отвергла советскую и любую другую тоталитарную идеологию и не пытается навязать свою политическую модель другим. Более того, несмотря на авторитарную реальность, в теории эта модель провозглашается соответствующей западной, но лишь имеющей право на некоторую специфику, связанную с культурными традициями. На украинском направлении, как и повсюду вокруг своих границ, Россия ведет борьбу не за навязывание идеальной общественной системы, а за чисто геополитические цели, связанные с выживанием. Она стремится не быть окруженной, не подпасть под политический контроль США и их союзников, сохранить дружественные или хотя бы нейтральные по отношению к себе режимы у соседей.

Западные теоретики и политики объявляют такой подход устаревшим политическим реализмом XIX в. По их мнению, США и их союзники несут миру передовую международную систему без войн и революций, в которой национальные государства уступают место глобальному управлению. Но учитывая, что, как рассмотрено ниже, не только Россия, но и большинство других крупных государств мира видят в этом подходе прикрытие силовой экспансии, возникает вопрос: весь ли

мир отстал от Запада или это на Западе выдают желаемое за действительное.

Выступая на большой пресс-конференции 18 декабря 2014 г. Президент России Владимир Путин объяснил изменения в российской внешней политике не осложнениями с Западом, а общемировыми тенденциями: «Я часто слышу “разворот России на Восток”. А Вы почитайте американскую аналитику. Там пишут о развороте США на Восток. Это есть или нет? Отчасти есть. А почему? Это связано с политикой? Нет, это связано с процессами в глобальной экономике, потому что восточная часть АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион – развивается быстрее, чем все остальные части мира, появляются новые возможности. С точки зрения энергетики для Китая, для Индии, для той же Японии, для Южной Кореи потребности в энергоресурсах растут семимильными шагами. Там все развивается быстрее, чем в других регионах мира. Поэтому что же нам, от этого отказываться что ли? У нас все, что мы сейчас делаем, было запланировано давно, еще до всяких проблем в глобальной и даже в нашей экономике. Это просто реализация того, что мы задумывали раньше» [6]. Во многом это верно, но в то же время в этих высказываниях явно чувствуется тактический элемент. В любом случае, политические проблемы с Западом, безусловно, делают российский поворот к Азии более реальным и безальтернативным.

США и возглавляемый ими лагерь в целом рассматривают конфликт с Россией как локальный, хотя и крайне опасный. Опасен он тем, что поведение Москвы фактически подрывает их глобальный проект мирового развития: постепенного втягивания всех государств на условиях Запада в его орбиту – то есть в качестве подчиненных учеников, старательно пытающихся довести себя до уровня стандартов учителя. Локален же он потому, что Россия – не самый опасный вызов на этом пути, хотя и наиболее острый в настоящее время. В долгосрочной перспективе складывание многополярного мира в целом вызывает у западных политиков гораздо большие опасения. Совершенно неясно, как вестернизировать огромный Китай, да и с Индией, Бразилией и многими другими центрами силы не все складывается идеально.

КИТАЙ

В долгосрочном плане возвышающийся Китай представляет собой куда более серьезный вызов западной идеологии мирового господства, чем все еще довольно слабая Россия. КНР – вторая эко-

номика и самая густонаселенная страна мира, но угроза исходит не от его военной мощи, которая пока еще не сравнима с американской и даже с российской. Коммунистическому Китаю удалось сделать то, чего не смог СССР – построить модель эффективной и привлекательной экономики, не основанной на политической модели Запада.

Для последнего это гораздо опаснее, так как заставляет народы и правительства многих государств усомниться в фундаментальном постулате “демократизма” – эффективная экономика и сопутствующая ей зажиточность возможны только при условии признания правильности западного пути и присоединения к нему. Более того, китайская экономика стала настольно взаимозависимой с экономиками США и государств ЕС, что в случае осложнений принять против Пекина меры, подобные принятым против России, будет крайне сложно. Сегодня Запад зависит от Китая не меньше, чем Китай от Запада. Возможно, в случае открытой конфронтации, объединенному западному лагерю и удастся, в конце концов, одолеть КНР, но мировой экономике это обойдется слишком дорого.

Сам бурно развивающийся Китай в последнее время существенно активизирует внешнюю политику. Суть первого этапа активизации сводилась к стремлению убедить соседей и весь мир в том, что усиление страны не угрожает их интересам. В этом смысл выдвинутой в 2003 г. в период правления Ху Цзиньтао концепции “мирного подъема”, которая затем, в связи с опасениями относительно термина “подъем”, была заменена теориями “мирного развития” и строительства “гармоничного мира”.

При Си Цзиньпине Пекин перешел от защиты к наступлению. Последнее выразилось в выдвижении новым китайским лидером амбициозных планов по созданию “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского шелкового пути”. Кроме экономического содержания, они имеют и явный политический смысл: Китай выдвигает собственные, альтернативные западным концепции развития, по крайней мере, целого ряда азиатских регионов (первый план в большей степени касается Центральной Азии, Среднего Востока и частично России, второй – Юго-Восточной и Южной Азии и Океании). Они должны создать общие рамки для экономического, а возможно, и политического будущего многих расположенных здесь стран. Можно сказать, что Пекин предлагает этим государствам и регионам концепцию соразвития, подкрепленную значительными материальными ресурсами. Он говорит: подключайтесь не к аре-

алу “демократизма”, а к зоне “Шелкового пути”. История присоединения, несмотря на возражения Вашингтона, ряда союзников США к инициированному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций показывает, что китайские проекты уже обладают серьезной альтернативной привлекательностью.

Другое свидетельство внешнеполитической активизации – часто раздающиеся в Китае призывы пересмотреть принцип “тао гуан ян хуэй” (“держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя”), который был сформулирован Дэн Сяопином в начале 90-х годов XX в. и, как считалось, должен был определять внешнеполитический курс страны в период реформ и открытости [7, 8]. В связи с этим российский эксперт Игорь Денисов делает вывод, что “в современном китайском политическом дискурсе четко прослеживается как преемственность внешней политики (акцент на такие константы, как путь мирного развития, защита ключевых интересов, политика “мягкой силы”), так и стремление придать китайской дипломатии более инициативный характер, что в перспективе должно вывести КНР в число государств, устанавливающих правила игры в соответствии со своими возросшими интересами (такие намерения особенно ярко видны на примере амбициозной программы превращения Китая в морскую державу, они проявляются и в сфере военной дипломатии – корректировке подходов к использованию китайских воинских подразделений за рубежом)” [9, с. 45].

Хотя, по мнению этого исследователя, принцип ограничения стратегического планирования вопросами, затрагивающими прежде всего “ключевые интересы”, в период Си Цзиньпина остался неизменным, сама сфера таких интересов постоянно расширяется. Если при Дэн Сяопине к ним относились лишь проблема Тайваня и контроля над Тибетом и Синьцзяном, то сегодня – это уже и защита китайской позиции в территориальных спорах с Японией вокруг островов Дяоюй (Сенкаку), и конфликт в Южно-Китайском море. Некоторые эксперты относят к ключевым интересам также необходимость обеспечения Китаю возможности занять достойное его место в мире в целом.

Главным препятствием на этом пути, по широко распространенному в Китае мнению, являются США. Мировая держава, теряющая свое влияние, но всеми силами стремящаяся сохранить его, как считает большинство китайских аналитиков, старается сдерживать КНР, видя в нем своего основного конкурента. Для этих целей США при

помощи союзников и дружественных государств пытаются окружить Китай в военном и стратегическом отношении, настраивают против него соседей, раздувая теорию “китайской угрозы”. В одной из книг, написанной влиятельным китайским военным аналитиком, утверждается, например, что окружение уже удалось замкнуть почти со всех сторон, за исключением России и Центральной Азии [10, сс. 3-4].

Некоторые предлагают более активные меры по прорыву этого кольца, например, посредством строительства военно-морских баз за рубежом или наделив армию полномочиями всеми средствами защищать зарубежные капиталовложения китайских предпринимателей. Но пока официальная позиция Пекина гораздо мягче. Характерно в этом плане отношение китайских аналитиков к идее “глобального управления”. Считая нынешнюю теорию и практику глобального управления западной конструкцией, призванной обеспечить доминирование США и Европы в мире, в Китае не предлагают подорвать или ликвидировать существующую систему, но выступают за такое ее реформирование, при котором КНР и другие незападные государства получили бы в ней достойное представительство и голос [11].

Таким образом, в целом Китай не заинтересован в конфронтации с кем бы то ни было или в революционном изменении механизма функционирования мировой системы. Однако он намерен настойчиво и последовательно содействовать ее эволюции в более выгодную для себя сторону. Интересен в этом смысле китайский ответ на идею “большой двойки”, выдвинутую в 2009 г. Збигневом Бжезинским [12]. Идея Бжезинского полностью соответствовала идеологии американского доминирования. По сути, он предоставлял Пекину роль подчиненного союзника, который будет помогать решать американские проблемы везде, где Вашингтон не может этого сделать самостоятельно. Китаю, в частности, предлагалось содействовать решению северокорейской ядерной проблемы, помочь США бороться с мировым кризисом, прямо участвовать в американском диалоге с Ираном, стать посредником в индо-пакистанском конфликте и даже подключиться к урегулированию на Ближнем Востоке. Совместное участие предполагалось в таких сферах, как борьба с изменением климата и создание крупных миротворческих сил ООН для их размещения в “недееспособных государствах”, в укреплении режима нераспространения ядерного оружия путем стимулирования неядерного выбора государствами мира.

Пекин вежливо отказался от столь лестного предложения, коренным образом противоречащего основам его внешней политики, направленной на невмешательство в дела других стран и регионов. Он выдвинул встречную инициативу: строить с США “отношения нового типа между крупными державами”. Смысл этой идеи можно свести к тому, что Китай станет не американским агентом в мире, а равным партнером, который разделит с Вашингтоном ответственность за решение ряда глобальных проблем, причем урегулироваться они будут на основе взаимной выгоды и компромиссов. Но на это вряд ли пойдут США.

В целом Китай, как и Россия, далеко ушел от коммунистического глобального тоталитаризма, он более не стремится навязывать другим государствам собственную модель развития. В то же время пытается обеспечить, как он считает, достойное своей новой мощи и исторической роли место в мире, а также дружественное окружение. При этом его экономические интересы все в большей степени выходят за пределы собственной территории. Само это стремление, подкрепленное заметными успехами и серьезными финансовыми ресурсами, ростом популярности китайской модели модернизации без демократии у многочисленных авторитарных лидеров развивающихся стран, представляет собой вызов западной идеологии “демократизма”, согласно которой Китай, как и весь мир, должен рано или поздно вестернизироваться и подчиниться “правильному” влиянию.

На Западе многие рассматривают китайский опыт как один из частных случаев теории модернизации. Согласно этой точке зрения, КНР в принципе идет путем Японии и “азиатских тигров”: за экономической модернизацией должна последовать демократизация, как это было в Южной Корее и на Тайване. На это в Пекине отвечают: масштабы страны настолько отличны от небольших государств, что такое сравнение некорректно. Китай, как целая цивилизация, будет развиваться собственным путем, не по западным, а по традиционно китайским схемам. В последнее время в КНР появилось много статей о том, что и для мира в целом традиционные китайские концепции отношений между государствами и народами гораздо полезнее, чем западные подходы [13; 14].

Идет ли Китай по общему пути или по особому, станет ли Большим Тайванем (восточноазиатской демократией) или Большим Сингапуром (эффективной азиатской автократией), покажет будущее. В любом случае весьма сомнительно, чтобы, даже

демократизированный, он стал ориентироваться на США или кого бы то ни было другого в своей внешней политике, а не отстаивал бы собственные интересы. В настоящее время, по крайней мере, общественное мнение в Китае настроено заметно более антиамерикански и антияпонски, чем руководство страны.

Одновременно среди западных экспертов распространились прогнозы не только грядущего доминирования, но и скорого краха коммунистического Китая [15]. Хотя эти предсказания в ближайшей перспективе представляются выдачей желаемого за действительное, в целом в сравнительно отдаленном будущем серьезные проблемы и даже кризис китайской системы власти, вызванный экономическими причинами, вполне возможен. В этом смысле КНР может пойти по японскому пути при том различии, что его политическая система вряд ли выдержит 20-летний экономический застой, так как не предусматривает ротацию партий у власти при сохранении правящей элиты в целом. Но, как показывает опыт СССР и России, даже гипотетический крах коммунизма и длительный кризис вряд ли приведут к вестернизации такой огромной страны, как Китай, и его подчинению западным интересам.

В любом случае в обозримом будущем при сохранении существующих тенденций усиление напряженности между Западом и КНР неизбежно. Причина этого будет лежать не в области моральных ценностей, как в случае с Россией и евразийским пространством. Для китайской прагматической культуры, чуждой монотеистической религии с ее понятием непознаваемого Бога, установления которого не могут быть подвергнуты сомнению, западные моральные инновации более приемлемы. Серьезное отличие культур кроется в сфере социальных целей – китайцам непонятно стремление ставить индивида с его правами выше общественного блага и социальной справедливости. Неясен им и идеал минимального государства, не заботящего о своих гражданах. Высшая ценность здесь – не обеспечение прав личности и меньшинств, а хорошо организованное общество, гарантирующее благосостояние большинства. Именно эти различия и будут накладываться на геополитические противоречия, добавляя им остроты. В то же время существующая экономическая взаимозависимость станет действовать в противоположном направлении, и усиление напряженности вряд ли дойдет до уровня открытой конфронтации.

ДРУГИЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Индия, Бразилия и другие государства наряду с вышеперечисленными постепенно превращаются в мощные центры незападного мира. Индия, являясь самой крупной демократией, тем не менее, отнюдь не во всем ориентируется на Запад. Как и Китай, она проводит самостоятельную внешнюю политику, стараясь поддерживать конструктивные отношения со всеми основными игроками. В 2004 г. индийский премьер Манмохан Сингх охарактеризовал внешнеполитический курс своей страны как “кооперативный плюрализм”. По его словам, «“идея единства в многообразии” и породившая ее философская традиция остаются нашим великим наследием, которое мы хотели бы видеть принятым всем миром. Понятие “кооперативного плюрализма” и уважение к многообразию, составляющие основу нашей демократии, должны также составить основу глобального управления в XXI веке» [16].

Согласно индийским экспертам, их страна обладает исключительным опытом. Будучи на протяжении веков государством мультикультурным и многоконфессиональным, она в то же время сохраняла общецивилизационное единство, основанное на уважении чужих мнений и традиций. Этот исключительный опыт стал основой индийской демократии, и его Индия хотела бы передать миру, видя глобальное устройство таким же плюралистическим, как и ее собственное общество. Основываясь на этих взглядах, она отказывается от давления на другие страны, никогда не присоединяясь ни к каким силовым действиям Запада и мирового сообщества в целом. При этом Индия – один из основных поставщиков военных для миротворческих сил ООН, задача которых – поддержание мира, а не наказание виновных.

Ясно, что этот идеал во многом противоречит западной концепции “демократизма”. Совпадая с ним в уважении к демократии, он отрицает навязывание “прогрессивных” идеалов и моделей силой и наказание за отход от них. Кроме того, в моральном отношении Индия, хотя и идет за Западом, во многом все еще более традиционна. Приход к власти в 2014 г. правительства лидера индуистской Бхаратия джаната парти Нарендры Моди еще более укрепил чувство индийской миссии в мире и традиционалистические тенденции внутри страны. Это может только способствовать меньшей ориентации на Запад и большей – на другие центры силы, хотя, конечно, экономические интересы и близость политических систем

будут продолжать действовать в пользу западного сотрудничества.

Индия старается наладить связи с Китаем, что вызвано экономической необходимостью. В то же время значительные проблемы в индийско-китайских отношениях сохраняются. Остается нерешенным территориальный спор. Но, что более важно, в случае с Китаем и Индией мир является свидетелем зарождения геополитических противоречий между двумя растущими незападными центрами силы. Их интересы сталкиваются, например, в нескольких островных государствах, которые ранее считались сферой влияния Индии, но сегодня стали объектом экономической экспансии Пекина (Мальдивы, Сейшелы, Маврикий, Шри-Ланка).

По данным за 2014 г. Бразилия была седьмой экономикой мира, ее ВВП превышал данный показатель таких стран, как Италия или Россия [17]. При этом политически она представляет собой типичную латиноамериканскую страну с сильными левыми тенденциями, которые всегда развивались в этой части света как ответ на попытки доминирования США. Два ее последних президента – Лула да Силва и Дилма Руссефф – представляют левые силы и именно в этом – основа нарастающих расхождений с Соединенными Штатами.

Внешняя политика Бразилии во многом противоречит американской: она не поддержала операции США и их союзников в Ираке и Ливии, выступает за мирное решение сирийского конфликта, против санкций в отношении Ирана. В 2010 г. Бразилия и Турция подписали совместную декларацию с Ираном, в которой Тегеран обязался отправлять в Турцию свой низкообогащенный уран, а Турция – поставлять ему обогащенное топливо для исследовательского реактора. Это соглашение вызвало критику в США и Европе. Американцы также высказывали опасения относительно собственной ядерной программы Бразилии.

В экономической области Бразилия отказалась поддержать проект создания единой Американской зоны свободной торговли (*Free Trade Area of the Americas, FTAA*), что явилось одной из главных причин его провала. В США часто критикуют бразильский протекционизм и якобы осуществляемый этой южноамериканской страной демпинг своей продукции, а также нарушения прав интеллектуальной собственности. В то же время Бразилия обвиняет Вашингтон в приверженности к “монетаристской” политике и провоцировании “валютных войн” против развивающихся рынков. В перспективе, по мере усиления этого центра силы и возрастания его влияния в Латинской Аме-

рике и мире в целом, противоречия с США будут возрастать, хотя экономическая необходимость, как и в случаях с Китаем и Индией, не позволит довести дело до острой конфронтации.

ПОСТБИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА

Российский отказ следовать курсу Запада – лишь первый острый симптом противостояния навязываемого США и их союзниками проекта единого мира и складывающейся многополярной системы. Таким образом, постбиполярный мир на нынешнем этапе можно было бы назвать промежуточным, переходным от глобального доминирования Запада, сформировавшегося после завершения холодной войны, к многополярному, который еще не сложился (и неизвестно, сложится ли окончательно) [18, с. 30]. Для него характерно уменьшение относительного влияния пока еще наиболее мощного центра силы, возглавляемого США, и увеличение влияния других полюсов (Китай, Индия, Бразилия и др.). Новые усиливающиеся центры будут пытаться создать вокруг своих границ зоны собственного влияния за счет сужения зоны влияния Запада.

Со стороны последнего такая политика встретит ожесточенное сопротивление (как это уже происходит в случае с Китаем и Россией). Более слабые незападные центры силы будут стараться теснее координировать свои действия против мощного противника (БРИКС, ШОС, АСЕАН). Однако это не означает создания антизападного альянса. Там, где зоны влияния незападных центров силы придут в столкновение друг с другом, возможны и конфликты между самими этими державами (например, уже намечается борьба за сферы влияния между Китаем и Индией). При этом Запад (в особенности – США) будет использовать подобные противоречия в своих целях. В связи со сложной структурой такого мира окончательное складывание реальной многополярности с несколькими приблизительно равными по влиянию зонами не является исторически неизбежным.

Большую роль в этой системе будут играть среднемошные или региональные центры силы, например, Вьетнам, Южная Африка, Нигерия, Венесуэла и др., имеющие собственные цели и взгляды на региональную политику. Они могут вступать во временные альянсы с более крупными центрами для достижения собственных локальных целей (как, например, это делает Вьетнам, пытаясь использовать США в территориальном конфликте с Китаем).

В то же время постбиполярный мир не следует понимать как полностью распадающийся на отдельные большие и малые сферы влияния. В нем сохранятся и даже примут еще большую остроту глобальные проблемы, которые возможно решать только общими усилиями: нехватка ресурсов, перенаселение, загрязнение окружающей среды, нераспространение оружия массового уничтожения и т.п.

Смертельную угрозу для человеческой цивилизации в целом представляет терроризм, прежде всего основанный на исламском экстремизме. Это сегодня – вторая тоталитарная идеология, за которой не стоит какого-либо государства, но которая, тем не менее, обладает значительной привлекательностью, своеобразной “мягкой силой”. Причина роста ее влияния – радикальная ответная реакция на “аморальность” и “греховность” современного развитого мира. Именно поэтому исламистами часто становятся молодые мусульмане – жители стран Запада, наглядно ощутившие коренное противоречие между своими верованиями и окружающей цивилизацией.

Решение глобальных проблем поставит вопрос о необходимости поиска механизма взаимодействия. Действенные меры можно согласовать, если основные центры силы договорятся о той ограниченной сфере, где их интересы сходятся, и о том, что по всем другим вопросам они “соглашаются не соглашаться”, не доводя дело до острой конфронтации. В каком-то смысле это станет возрождением реальности “мирного сосуществования” периода биполярности. Ее суть сформулирована еще во времена Никиты Хрущева: не разделяя ни целей мирового развития, ни идеалов общественного устройства, мы отказываемся от войны друг с другом и пытаемся договориться по тем проблемам, по которым можно договориться.

Для рабочих органов этого механизма больше всего подходят уже существующие площадки глобального управления, прежде всего, система ООН с ее Советом Безопасности. Это верно хотя бы потому, что им нет реальной альтернативы: все остальные организации представляют ту или иную сторону и не могут считаться объективными. Но это не означает неизменности существующей системы, напротив, она должна постепенно

реформироваться по общему согласию с целью достижения более адекватного представительства растущих центров силы. Альтернатива этому – непредсказуемый мир борьбы всех против всех без каких-либо правил.

Роль России в переходном мире пока только намечается. Она пытается стать крупным независимым центром силы, позиционируя себя как базу евразийской интеграции. Однако хватит ли для этого ресурсов самого разного рода, пока неясно. Очевидно, что в нынешней обстановке серьезной экономической зависимости от Запада Россия вряд ли может позволить себе неограниченную конфронтацию. Более разумен курс позиционирования РФ и Евразийского экономического союза как части общеевропейского целого, но не проекта ЕС, то есть попытки создания альтернативы проекту Евросоюза в рамках Большой Европы. Такая цель представляется более реалистичной и приемлемой для самых различных слоев российского населения и элит (отсечь придется лишь самых крайних западников и националистов).

Подобная политика вызовет симпатии тех кругов в Европе, которые выступают против доминирования США, за более независимый курс, и позволит продолжить необходимое экономическое сотрудничество с западной частью континента. Более того, РФ вполне способна стать проводником европейских ценностей в Евразии (по крайней мере, некоторых из них). Такая теория существовала в России еще в XIX в. В то же время необходимо жестко говорить о том, что для Евразии с ее собственными традициями приемлемы лишь коренные европейские ценности, но не все навязываемые сиюминутные установки (особенно, в области секуляризма и морали). Для Азии же, напротив, Евразийский союз мог бы стать “послом” в Европе. Здесь необходимо подчеркивать не только европейскую, но и азиатскую принадлежность России. Альтернативой такому курсу стало бы создание Большой Азии вместо Большой Европы (на основе тесного взаимодействия Китая, России и Индии) как конкурента Западу [19]. В такой комбинации Россия вряд ли стала бы лидирующей силой, но сегодня конфронтационный подход Запада подталкивает ее именно к этому пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Baker J.A. Russia in NATO? *The Washington Quarterly*, 2002, vol. 25, no. 1, pp. 95-103. Available at: https://muse.jhu.edu/login?auth=0&type=summary&url=/journals/washington_quarterly/v025/25.1baker.html (accessed 25.07.2015).
2. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Москва, АСТ, 2007. 588 с. [Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST, 2007. 588 p.]
3. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок. *Россия в глобальной политике*, 2014, № 6 [Haas R. Razvalivayushchiysya miroponyadok [The Unraveling]. *Russia in Global Affairs*, 2014, no. 6.] Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiiysya-miroponyadok-17194> (accessed 15.07.2015).
4. Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order. *The Wall Street Journal*, 29.08.14. Available at: <http://www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075> (accessed 20.07.2015).
5. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. *Россия в глобальной политике*, 2014, № 6. [Krastev I., Leonard M. Novyi evropeiskii besponyadok [New European Disorder]. *Russia in Global Affairs*, 2014, no. 6.] Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besponyadok-17196> (accessed 19.06.2015).
6. Большая пресс-конференция Владимира Путина. *Официальный сайт Президента РФ*, 18.12.2014. [Official Website of the President of Russian Federation, 18.12.2014. (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250> (accessed 22.07.2015).
7. 邓聿文: 胡温的政治遗产 (中). *东莞生活网*, 31.08.2012. [Deng Yuwen. Hu and Wen's Political Heritage (Part 2) 31.08.2012. (In Chin.)] Available at: <http://www.hidg.net/news/bencandy-htm-fid-55-id-30975.html> (accessed 20.07.2015).
8. 国防大学教授: 下一艘航母决不是现在这个水平. *环球网*. [Professor of Defence University: the Next Aircraft Carrier will not be on the Level It is Now. *Huanqiu website*, 17.12.2012 (In Chin.)] Available at: <http://mil.huanqiu.com/observation/2012-12/3387054.html> (accessed 25.07.2015).
9. Денисов И.Е. Эволюция китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Международная жизнь*, 2015, № 5, сс. 40-54. [Denisov I.E. Evolyutsiya kitaiskoi vneshnei politiki pri Si Tszin'pine [Evolution of China's Foreign policy under Xi Jinping]. *International Affairs*, 2015, no.5, pp. 40-54.]
10. 戴旭: C型包围——内忧外患下的中国突围. 上海, 文汇出版社 2010, 350页 [Dai Xu. C-Shaped Encirclement: China's Breakthrough under Domestic Problems and Foreign Aggression Shanghai, Wenhui Press, 2010. (In Chin.)]
11. 庞中英、王瑞平. 全球治理: 中国的战略应对. *国际问题研究*, 2013年第4期. [Pang Zhongying, Wang Ruiping. Global Governance: China's Strategic Response (In Chin.). *Guoji wenti yanjiu*, 2013, no. 4.] Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2013-07/23/content_6145818.htm (accessed 26.09.2015).
12. Brzezinski Z. The Group of Two that Could Change the World. *The Financial Times*, 13.01.09. Available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html> (accessed 27.07.2015).
13. 阎学通: 公平正义的价值观与合作共赢的外交原则, *国际问题研究* 2013年第1期. [Yan Xuetong. The Value of Justice and Diplomatic Principle of Win-Win Cooperation (In Chin.). *Guoji wenti yanjiu*, 2013, no. 1.] Available at: http://www.21ccom.net/articles/qqsww/zlwj/article_2013032780014.html (accessed 26.09.2015).
14. 俞新天. 中国价值观的世界意义. *国际问题研究*, 2013年第4期. [Yu Xintian. The Meaning of Chinese Values for the World. *Guoji wenti yanjiu*, 2013, no. 4 (In Chin.)] Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2013-07/23/content_6145870.htm (accessed 26.09.2015).
15. Shambaugh D. The Coming Chinese Crackup. *The Wall Street Journal*, 06.03.15. Available at: <http://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198> (accessed 27.07.2015).
16. *PM Manmohan Singh's Speech at HT Leadership Summit (2008)*. *IBN Live Website*. Available at: <http://ibnlive.in.com/news/pm-manmohan-singhs-speech-at-ht-leadership-summit/78659-3-1.html> (accessed 15.07.2015).
17. *International Monetary Fund, World Economic Outlook Data Base, April 2015*. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx> (accessed 26.09.2015).
18. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополярности. *Политика*, 2015, № 3, сс. 27-37. [Simoniya N.A., Torkunov A.V. Novyi mirovoi ponyadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyarnosti [New World Order: From Unipolarity to Multipolarity]. *Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 27-37.]
19. Тренин Д. *От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта*. Московский Центр Карнеги, 13 мая 2015. [Trenin D. *Ot Bolshoy Evropy k Bolshoy Azii? Kitaysko-Rossiyskaya Antanta* [From Greater Europe to Greater Asia? The Chino-Russian Entente] 13.05.2015.] Available at: http://carnegie.ru/2015/05/13/ru-60066/i8ho?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRojua%2FOZKXonjHpfX67e4kUKOg38431UFwdcjKpmjr1YcISst0aPyQAgobGp515FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D (accessed 15.07.2015).

POSTBIPOLAR WORLD: PEACEFUL COEXISTENCE OR CHAOS?
(*World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 1, pp. 17-29)
Received 31.07.2015.

LUKIN Aleksandr Vladimirovich (avlukin@hse.ru),
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000,
Russian Federation;

MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by the grant of the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics in 2016.

The article explores characteristics of the international relations bipolar system, changes occurred after its collapse and the future of post-bipolar world, focusing on the role of non-Western actors in it. On one hand, the bipolar system provided stability of international relations, but on the other, – lead to competition between the U.S. and the USSR for the influence on the third countries, which sometimes resulted in armed conflicts in the third states. The collapse of the Soviet Union convinced the West both in the universality of its development model and the necessity to spread it all over the world. Now it is clear that the “democratism” ideology failed politically and culturally. The Western model has neither become a panacea for eliminating disparities between countries on different stages of development, nor the only example of successful and strong governance. New power centers, such as Russia, China, India and Brazil, have been successfully developing after the collapse of the Soviet Union. Their influence has been growing along with that of the West, and even though they did not necessarily directly confront it, they never shared all its values, yet never actively imposed their positions on the rest of the world. Regional powers (Nigeria, Venezuela, etc.) are also playing a more significant role in the emerging system, although sometimes they may join the alliances with more powerful countries to achieve their goals (as Vietnam does with the U.S. in its conflict with China). Russia’s reluctance to follow the West in its development created the first serious alternative to the existing unipolar world model and its values, so naturally and widely accepted by the Western actors. Whereas China with its rapid economic development is also posing a challenge to the ideology of “democratism” proving that the economic welfare is achievable outside the Western political model. As for Russia, its role in the modern world is still not defined. The Russian Federation wants to become an independent power unit and a center of the Eurasian integration. However, it is not clear whether it has resources of all kinds to implement this idea, – moreover, its economic dependence on the West is still too strong to insist on further confrontation. Instead, Russia (as well as its partners in the Eurasian Economic Union) could use Eurasian integration platforms to act as an “ambassador” of Asia in Europe and that of Europe in Asia.

Keywords: bipolar system of international relations, post-bipolar world, the West and non-Western centers of power, regional powers, Western and Eastern development models.

About author:

LUKIN Aleksandr Vladimirovich, DPhil, Head of International Affairs Department; Director of Centre for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies.